
ПЕРЕВОД: СМЫСЛ И ТЕКСТ

В.И. Ершов, А.Л. Семенов

Военная кафедра
Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Кафедра иностранных языков № 3
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Тексты оригинала и перевода симметричны относительно оси симметрии, которую представляет смысл информации, подлежащей переводу. Симметрия относительна. Мера относительности симметрии определяется полнотой передачи смысла.

Ключевые слова: лексическая семантика, синтаксическая конструкция, тема-рема, контекст.

Одной из главных аксиом переводоведения является то, что переводчик переводит не слова, а смысл. Но даже при абсолютном согласии с этой аксиомой переводоведы больше исследуют лексические и грамматические проблемы перевода. Даже при формальном понимании процесса перевода, особенно необходимом при развитии систем машинного перевода, многие теоретики исходят из того, что не менее 75% смысла заложено в лексике передаваемой информации [4. С. 36], и прежде всего заняты совершенствованием системных словарей. В традиционном переводе, конечно, более высокие требования к передаче смыслового состава передаваемой информации, но все же традиции более тяготеют к решению лексических проблем, хотя в последнее время все больше внимания уделяется смыслоразличительным аспектам плана содержания оригинала и текста перевода. В связи с этим хотелось бы особо отметить работы Е.В. Бреуса [1], в которых наиболее глубоко проанализированы тема-рематические отношения в предложении. Е.В. Бреусом подготовлен достаточно фундаментальный базис практической реализации тема-рематического анализа в системе переводческих упражнений. Прикладной анализ смылоразличительных отношений темы и ремы «красной нитью» проходит в учебнике по последовательному переводу С.К. Фомина [8].

Логикой фундаментальной основой перевода, представленной прежде всего общей теорией перевода, является не переход от теории к практике, а обобщение переводческого опыта до уровня теоретического лингвистического обоснования происходящих объективных процессов. Хорошим штудированием тема-рематических закономерностей, в значительной мере направленным на совершенствование передачи смысла, создана практическая структура для анализа общих закономерностей понимания и переводческой передачи смысла предложения.

Ситуация перевода с одного языка на другой создает картину симметричных планов выражения единого смысла средствами различных языков. В этой ситуации системы двух языков, существующие абсолютно автономно (за исключением частных случаев интерференции, зачастую инициируемых переводчиком хотя бы

на уровне лексической семантики), интерпретируют одинаковый смысл, формируя две независимые модели. Обе модели представлены не двумя синтаксическими конструкциями (наборами предложений), а некоторыми логическими микросистемами, включающими внешние (например, интонация) и внутренние (например, контекст) смыслообразующие факторы. И перевод только тогда является состоявшимся, когда эти системы одинаково поняты коммуникантами.

Симметрия планов выражения достаточно легко понимается как естественное соотношение оригинала и перевода при относительно близких языковых контактах. Для этого естественного соотношения есть весьма распространенные теоретические обоснования в теории перевода, реализуемые на практике в виде эквивалентных замен, подстановок и других процедур. Создание симметричного плана выражения в форме перевода вполне ожидаемо и уже на интуитивном уровне выдерживает требование одинаковости понимания смысла коммуникантами.

Здесь необходимо подчеркнуть обязательность условия одинакового понимания смысла коммуникантами. При значительном расхождении языковых картин это условие становится мерой адекватности перевода, и интуитивность не может быть надежным контролем. Известно, что технология подачи, например, российской заявки на патент в японское патентное ведомство предполагает сначала перевод с русского языка на японский носителем японского языка, последующий перевод японского перевода на русский язык (обратный перевод) и затем уже названную нами оценку «одинаковости понимания смысла коммуникантами».

К сожалению, теорией перевода еще не накоплен достаточный материал для выработки математически точного определения параметров симметрии планов выражения смысла при переводе относительно плана выражения смысла в оригинале. Но эмпирически уже сложилась действенная и практически распространенная теория функционального перевода. Мерой уже обусловленной нами симметрии практически стало совпадение функций оригинала и перевода.

Связь языка с действительностью наделяет его способностью описания фактов окружающей действительности и тенденцией к трансформации в некий «совершенный» язык, в котором бы «было одно имя для каждого простого и никогда не было одного и того же имени для двух простых» [5. С. 12].

Есть еще одна точка зрения, которая выделяет связь языка с мышлением и распространяет на язык принципы теории отражения в виде текстовой деятельности. Но в любом случае находятся достаточные основания рассматривать языковую игру как законченную систему коммуникации [14. С. 250; 10. С. 17]. В связи с этим важным для понимания соотношения смысла и текста является интерпретация коммуникации в виде языковой игры. При этом важен и самый принцип выбора термина «языковая игра» и особенно его родового компонента «игра». Есть основания считать, что впервые этот термин был предложен Л. Витгенштейном на английском языке — *language game*. В выборе термина нельзя не заметить игровой ситуации, протекающей по определенным правилам, главным из которых Л. Витгенштейн выделяет формулирование концепта значения [14. С. 135]: *concept of game*; *ix: concept of meaning*]. Из трех существующих терминов: *play*, *game*, *gamble* — выбран термин *game*. Сопоставляя «значения» всех трех терминов [12. С. 35—39, 972—978] только у термина *game* мы обнаруживаем семему «замысел, осуществ-

ляемый по некоторым правилам и отображаемый в определенном результате». Именно значение как достигнутый результат при осуществлении замысла составляет суть игрового характера акта коммуникации с использованием языковых средств.

Совпадение правил грамматики с правилами языковой игры, видимо, было бы возможно в идеальном языке, который описывает Б. Рассел [5. С. 12—13]. Попытка описать правила языковой игры в терминах грамматических правил и исключений из них, скорее всего, не будет иметь успеха, поскольку и исключения, рассматриваемые в контексте правил, каждый раз приобретают форму какого-либо грамматического правила.

Одним из основополагающих правил языковой игры является принцип кооперации, который Грайс описал в отношении речевых актов и правил общения [9. С. 41—58]. Однако дуальность языковой игры (даже с учетом ее главной функции коммуникативной) не всегда может и должна иметь выраженный характер.

Безусловно, оставаясь примером языковой игры, такой японский национальный литературный жанр, как «вслед за кистью» (дзуйхицу), лишь косвенно предполагает соучастника коммуникации. Эти своеобразные произведения текстовой деятельности не имеют адресата, но сосредоточивают в себе социальное воздействие, формируемое по определенному правилу (плану). Наконец, монография — это тоже объект, отвечающий правилам языковой игры. Любая монография создается по определенным правилам будущего языкового общения с ее пользователем.

Мы присоединяемся к формуле Э. Сэпира: «Язык существует лишь постольку, поскольку им пользуются, говорят на нем, воспринимают его, пишут на нем и читают» [7. С. 143]. С другой стороны, языковые ситуации, в которых происходит коммуникация, складываются по часто повторяющимся логическим схемам (в нашем представлении — по определенным правилам, которые и становятся правилами, поскольку часто повторяются). К. Бюлер отмечает, что «неизменность синтаксических отношений в структуре человеческих языков не следует понимать в точном смысле... Список синтаксических вспомогательных средств... в действительности обнаруживается в модели человеческого языка» [2. С. 13]. Модель в языковой теории использовалась еще Платоном, но основные концепции лингвистического моделирования сформулированы К. Бюлером.

При многообразии частных случаев в речевой коммуникативной деятельности все же существует ограниченное количество типовых повторяющихся ситуаций, для каждой из которых может быть построена своя обобщенная модель. Опираясь на логическое представление Ю.С. Степановым общей картины языка в свете этапов его познания [6. С. 278—314], мы также исследуем три модели языка, но уже в аспектах языковых игр и текстовой деятельности.

Как познание, так и использование языка в коммуникативных целях практически строится на усвоении некоторого ограниченного числа моделей. Все разнообразие возможных языковых ситуаций в конце концов сводится к имеющейся, испытанной и запомненной модели. Для иллюстрации этого тезиса позволим себе рассмотреть известный пример [11. С. 130] со своей точки зрения. Высказывания *Harry is unhappy* и *Harry is not happy* построены по одной модели *to be + adjective*, но при семантической аутентичности всех компонентов оба высказывания имеют

различный текстовый смысл. С достаточной осторожностью выводя (на время) за пределы эксперимента синтаксический анализ, можно подчеркнуть игровой компонент в примере русской пары: «он совсем неглуп» и «он не совсем глуп». Синтаксическая конструкция, составляющая структуру текста, не может обеспечить ему полноту однозначности. Однозначность достигается игровым компонентом, инструментальным средством которого является синтаксическая модель.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. — М.: Университет РАО, 2004.
- [2] *Бюлер К.* Теория языка. — М.: Прогресс, 1993.
- [3] *Касевич В.Б.* Язык и знание // Язык и структура знания. — М.: ИЯ АН СССР, 1990.
- [4] *Пиотровский П.Г.* Текст, машина, человек. — М.: Наука, 1975.
- [5] *Витгенштейн Л.* Введение // Рассел Б. Логико-философский трактат. — М.: Иностранная литература, 1958.
- [6] *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. — М.: Наука, 1985.
- [7] *Сэтур Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс: Универс, 1993.
- [8] *Фомин С.К.* Последовательный перевод. — М.: Восток—Запад, 2006.
- [9] *Grice H.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics, 3: Speech Acts. — New York: Academic Press, 1975. — P. 41—58.
- [10] *Hintikka J.* Game-Theoretical Semantics. — Dordrecht, 1979.
- [11] *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. — Chicago, London, 1980.
- [12] The Oxford English Dictionary. — Oxford: Clarendon Press, 1961.
- [13] *Van Dijk T.A.* Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse & Society. — London, 1993. Vol. 4 (2). — P. 249—283.
- [14] *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. — Oxford: Basil Blackwell, 1974.

TRANSLATION: MEANING AND TEXT

V.I. Ershov, A.L. Semenov

Military Department of Moscow State Institute (University)
of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Department of Foreign Languages № 3
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Source text and target text are symmetric about the axis of the information to be translated. The symmetry is relative and the degree of its relativity is to be measured by completeness of the rendered meaning.

Key words: lexical semantics, syntactic structure, theme-rheme, context.